

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

«В ЭТОЙ СТОРОНЕ КЛАДБИЩА...»

9 октября 1992 г. исполняется 100 лет величайшей из русских женщин-поэтов — Марине Цветаевой

Родной сестре ее, Анастасии Ивановне, 27 сентября минуло 98 лет. Она продолжает писать автобиографическую прозу. Этим летом А. И. Цветаева побывала в Голландии, где была единственным представителем России на международной книжной ярмарке... Дочь Марины Цветаевой, Ариадна Эфрон, талантливая переводчица, умершая в 1975 г., тоже оставила книгу воспоминаний «О Марине Цветаевой» (М., «Сов. писатель», 1988). Интересно ее переписка с Б. Пастернаком.

Сложными были отношения А. С. Эфрон с родной тетей — с А. И. Цветаевой, и тому были причины.

В начале 1937 г. Ариадна Сергеевна первой вернулась в СССР. Вернулась после совместной со своим отцом, Сергеем Яковлевичем Эфроном, работы на заграничную службу НКВД, чьим фактически «филиалом» был «Союз возвращенцев». После убийства Игнатия Рейса, который порвал с режимом Сталина, Эфрон бежал в СССР, где впоследствии был арестован и расстрелян. 16 лет в лагерях провела А. С. Эфрон. В тюрьме ее избивали, и она подписала «документы» на многих, в том числе и на собственного отца. (Эти факты — в последнем выпуске журнала «Столица», в публикации М. И. Фейнберг).

Там, во Франции, А. Эфрон два последних года до своего отъезда не жила с матерью, они резко разошлись. Не разделяла М. И. Цветаева и увлеченности дочери, сына и мужа Советской страной, о чем

писала друзьям. Сестре своей, А. И. Цветаевой, она тогда написала: «В Советский Союз едет Аля. Будь с ней осторожна. Никого она не любит, может лишь заиграть человека».

А. И. Цветаева говорила, что когда племянница, очарованная идеей коммунизма, приехала и стала бывать у нее, то была несколько разочарована тем, что ее родная тетя вовсе не горит идеями Ленина — Сталина и пятилеткой, а по-старинному религиозна. Но Анастасия Ивановна стала давать ей уроки английского языка. Об этом М. Цветаева писала в письме А. А. Тесковой в Прагу: «Живет она (А. Эфрон — Ст. А.) у сестры (Сергея) Я(ковлевича) больной и лежачей, в крохотной, но отдельной комнатке, у моей сестры (лучшего знатока английского на всю Москву), учится по-английски» (2 мая 1937 г.).

По возвращении из Франции, когда семья воссоединилась, М. И. Цветаева жила с мужем, дочерью и сыном Георгием (Муром) в Болшеве, на даче НКВД.

Вряд ли Марина Ивановна вернулась бы в Советскую Россию, если бы они, родные, не скрыли от нее то, что А. И. Цветаева в 1937 году была арестована и увезена — в тюрьмы, в лагеря...

После смерти родителей и

брата, после окончания «сталинской эры» и после ее собственной реабилитации А. С. Эфрон стала преданно служить делу восстановления имени своей матери. Она, видимо, чувствовала и свою вину перед ней... Если бы не «деятельность» Сергея Яковлевича в Париже, если бы не тот фатальный энтузиазм возвращения, который разделяли Ариадна — Георгий, возможно, М. И. осталась бы в живых. Не случилось бы того, что произошло в Елабуге, о чем свидетельствует в своей книге «Охотник вверх ногами» Кирилл Хенкин, бывший чекист: «Сразу по приезде М. Цветаевой в Елабугу вызвал ее к себе местный уполномоченный НКВД и предложил «помогать». Возможно, как Хенкин предполагает, «предложили доноительство», потому что знали — семья «уязвана» с органами. Причем пригрозили свободой сына: о последней версии — в новой, ожидаемой в этом месяце книге Ю. М. Каган: «М. Цветаева в Москве. Путь к гибели» (Изд-во «Отечество», 1992). И ради сына, жертвенно, — может быть, сироту не тронут? — она ушла в смерть.

Сейчас на «могиле» М. Цветаевой в Елабуге стоит памятник розового камня с полукруглым свертком. На нем та же надпись, что была на кресте, который А. И. Цветаева вме-

сте с С. И. Каган поставили в 1960 году, но не воспроизведено начало надписи: «В этой стороне кладбища похоронена» М. И. Цветаева, ибо точное местонахождение могилы до сих пор неизвестно. На обороте памятника кто-то кистью, черной краской от руки вывел крест...

Газета «Советская Татария» года два назад публиковала в нескольких номерах переписку А. С. Эфрон с писателем В. Мустафиным, вся переписка — по поводу памятника, о том, каким он должен быть...

Сама А. С. Эфрон в Елабугу никогда не ездила. Она отговаривала А. И. Цветаеву ехать одной, все обещала, что поедут вместе. Так и не дождавшись поездки совместной, Анастасия Ивановна поехала с С. И. Каган, и тогда А. С. Эфрон написала ей: «Так знаете, там в Елабуге для меня мамы нет!» Возможно, она чего-то боялась, так как, по свидетельству жителя Елабуги А. И. Сизова, «хорошили ее те, с набережной», то есть опять-таки сотрудники НКВД...

Трагедия судеб поэтов. Трагедия Есенина, Маяковского... Но, как это ни грустно, именно из трагического конца, из последней, одинокой «точки», поставленной в жизни, воскресают в душах людей родники сочувствия, особой бережности к памяти, к творчеству, воскресают

поклонение личности, чья жизнь и чья смерть были этой памяти важно все, каждая черта ушедшего, даже его «посмертье».

12 сентября 1966

Милая Ася, пишу Вам и на Кокчетав и на Павлодар, т/ак/ к/ак/ не знаю, где Вы /м/ожет/ б/ыть/ уже в Москве, хотя вряд ли! Пишу Вам — наспех, чтобы скорее дошло, вот по какому поводу: совершенно случайно и стороной узнала /от знакомой, нынче, к маминому 25-летию ездившей в Елабугу/, что Литфонд поручил елабугскому исполкому сделать проект нового памятника вместо установленного Вами креста. Это то же самое, как если бы поручили переделкинскому сельсовету, совершенно игнорируя семью и комиссию по литературному/наследию, заняться пастернаковским надгробием! Елабуга или точно скопировала ужасающий купеческий монумент с колонками /украшив его пятиконечной звездой/ или просто решила взять такой монумент с чьей-либо могилы, почистить его, снабдить новой надписью и установить, т/ак/ к/ак/ я считаю, что вместо установленного Вами креста может быть поставлен только крест же, только новый, и надпись Вами составленная должна быть сохранена, что никаких купеческих надгробий со «звездами» на этом /условном/ месте допускать нельзя, что в таких случаях хотя бы не посоветоваться с семьей — недопустимо, я, посоветовавшись с Евгенией/Мих/айловной/, к/отор/ая сейчас в Тарусе, отправила от имени семьи, будучи убежденной в согласии всех с моим мнением, следующую телеграмму в Литфонд:

«Семья русского поэта М(арины) И(вановны) Цв(етаевой)/ разрешает установить на месте ее погребения в Елабуге взамен старого установленного семей креста новый крест деревянный, каменный или металлический с точным воспроизведением прежней надписи. Никаких иных памятников тем более без согласования проекта с семьей и в обход комиссии по литературному наследию семья Цветаевой устанавливать не разрешает». Подписи — моя, Ваша, Евгенией/Мих/айловны/, Инны Цв(етаевой), Лили, Кота, Андрея, Риты, Нины.

Я думаю, что Вы не рассердитесь за то что: 1/ написала

«крест, установленный семьей» вместо «сестрой» — но это для солидарности! и что поставила подписи Вашу, Андрея и Риты — т/ак/ к/ак/ убеждена в их согласии.

Я думаю — Евгения/Мих/айловна/, убеждена, что и Вы согласны с тем, что на этой /условной/ могиле должен быть только крест, /как его/ поставили Вы/; что — если другой памятник, /как-то/ вмещающий в себя символы креста непременно/, то он должен быть сделан настоящим скульптором, скромно, строго, как подобает. Списать же с Вами предварительно не успела, т/ак/ к/ак/ надо было действовать быстро, чтобы уже утвержденный Литфондовский/ нелепый проект обезопасить.

Евгения/Мих/айловна/ пытается навести порядок в Валерином доме. Там немислимый хаос, грязь и запустение; я, зайдя впервые за 10 лет, ничего не узнала... Между похоронами В/алерия И/вановича/ и уездом Е/вгении М/их/айловны/ дед сторож выкрал и вынес все, что только мог унести, т/оесть/ обчистил как «профессиональный» вор, каков он и есть. Е/вгении/ М/их/айловне/ не «вещей жалко, а — обидно, что и так одарила выше головы... Е/вгения/ М/их/айловна/ перевезла сюда и тот ореховый шкаф, о котором Вы писали, и вообще всю старинную Валерину мебель, в том числе плетеное кресло И/вана/ В/ладимировича/ Цв(етаева/), так что гнездо остается. Архив В/алерии/ И/вановны/ — в музее у Демской, то, что относится к работе ее студии — в училище цирка и эстрады, где все было принято с восторгом и пойдет в дело; Бахрушинский музей не взял. Вообще ни одной «бумажки» не выкинула — молодец. Я из всего «наследства» попросила себе итальянские ослиные бусы, когда-то привезенные Иваном Владимировичем, не зная, что — ослиные.

Как Рита? Ее и Ваше здоровье? Как Ваши трудные хлопоты вокруг нее? Непонятные мне времена, когда бабушки о взрослых внуках пекутся, а не наоборот!

Маринину годовщину провела в основном кафедральном лесу. День был чудесный; а в ночь на 31 августа/ нежданый и единственный мороз. У нас все цветы.

Крепко целую Вашу Аля.

КОММЕНТАРИИ

Е. М. Цветаева, жена А. И. Цветаева, сводного брата сестер Цветаевых по первому браку отца.
Инна Андреевна Цветаева, дочь А. И. Цветаева и Е. М. Цветаевой.
Лилия — Е. Я. Эфрон, сестра С. Я. Эфрона.
Кот — Константин Эфрон, племянник С. Я. Эфрона.
Андрей — А. Б. Трухачев, сын А. И. Цветаевой.
Рита — М. А. Мещерская, дочь А. Б. Трухачева.

Нина — Н. А. Трухачева, жена А. Б. Трухачева.
Валерия — В. И. Цветаева, сводная сестра сестер Цветаевых.
И. В. Цветаев — отец М. И. и А. И. Цветаевых.
Демская А. А. — зав. отделом рукописей, хранитель в музее ГМИИ.

Публикация и комментарии Станислава АЙДИНЯНА.